

«Синдром Орфея» на сцене театра Vidy | "Le Syndrome d'Orphée" sur la scène lausannoise

Автор: Азамат Рахимов, [Лозанна](#), 20.03.2012.

Декорации спектакля "Синдром Орфея" (© DR)

В театре Vidy в Лозанне состоялась премьера «Синдрома Орфея» в постановке Владимира Панкова. Спектакль построен на соединении сразу трех классических произведений - пьесы Жана Кокто, отрывков из поэм Маяковского и оперы Глюка.

Le Théâtre Vidy à Lausanne a présenté, hier, le spectacle "Le Syndrome d'Orphée", mise en scène par Vladimir Pankov. Il réunit trois classiques: les pièces de Jean Cocteau, les poèmes de Maïakovski et l'opéra de Gluck.

"Le Syndrome d'Orphée" sur la scène lausannoise

Владимир Панков, режиссер-постановщик спектакля «Синдром Орфея», объединившего в себе сразу троих авторов - Кокто, Маяковского и Глюка, определяет жанр созданного им произведения как «саундрама» (от англ. Soundrama), в работе над которым задействована интернациональная труппа - актеры из Москвы и танцовщики из Лозанны. Из названия следует, что главной составляющей драматического представления является звук. Спектакль, действительно, акустически интересен и необычен. Проза, стихи, опера и танец соединились в единое целое. Однако глобальная цель такого сочетания не совсем понятна из-за неоправданного для зрителя выбора отрывков, положенных в сценарий.

В основе спектакля лежит пьеса одного из ранних сюрреалистов Жана Кокто «Орфей» (1926 год), на основе которой сам автор в 1950 году снял фильм с Жаном Марэ в главной роли. Панков сохраняет сюжет, но значительно сокращает объем произносимого текста, сводя его к отрывочным репликам или достаточно коротким, но интенсивным диалогам. От Маяковского остались строфы, повторяющие только мотивы смерти и любви, похоже, случайным образом вырезанные из разных частей двух поэм «Флейта-позвоночник» и «Облако в штанах». Обе были написаны в 1915 году. Третьим источником спектакля стала опера Кристофа Глюка «Орфей и Эвридика», премьера которой состоялась в 1762 году в Вене.

Древнегреческий миф об Орфее в пересказе Кокто значительно видоизменяется. Орфей - молодой поэт, живущий приблизительно в первой половине двадцатого века в одном из европейских городов, возможно, в Париже. Он знаком с некой принцессой в черном, которая оказывается Смертью в человеческом обличье. Она влюбляется в поэта и, чтобы быть вечно со своим любимым, подстраивает гибель его жены Эвридики. Эртебиз, шофер Смерти, влюбляется в Эвридику и нарушает обет молчания, чтобы ее спасти. Он проводит Орфея через зеркало в потусторонний мир, где тот попадает на суд, на котором Смерть обвиняется в превышении полномочий. Эвридика возвращается на землю, при условии, что Орфей никогда не будет на нее смотреть.

Что касается интерпретации Глюка, то он представляет версию, которая во многом повторяет классический миф. А у Маяковского этот образ не разрабатывается. Обе используемые в спектакле поэмы русского поэта, хотя и написаны в один год, обращены к двум разным женщинам и отличаются по тону и образной организации текста.

Трактовка источников режиссером спектакля сочетает элементы каждой из историй. Параллели между тремя произведениями очень относительны и ассоциативны. Таков же и выбор используемых отрывков. Темы любви и смерти возникают не только у выбранных режиссером трех творцов. Но Владимиру Панкову такое соположение показалось оправданным. Согласно его собственному пониманию, сочетание трех произведений, каждое из которых вполне самодостаточно и принадлежит к разным жанрам искусства, ставит своей целью создать некое экспериментальное синтетическое действо, объединяющее в себе текст, музыку и танец.

До начала спектакля по сцене в клубах сигаретного дыма в белой рубашке и красных трусах, с длинными растрепанными волосами, ходил персонаж, который время от времени бросался к печатной машинке и судорожно стучал по клавиатуре. Невротическую пластику он сохранил до самого конца спектакля. Вскоре выяснилось: перед нами Орфей, отец всех поэтов, гений слова и музыки, любимец Аполлона, способный своей песней двигать горы и подчинять себе все живое. Его прекрасную Эвридику, балетную танцовщицу с дерганными неестественными интонациями и резкими движениями, выносит на сцену Маяковский.

Название спектакля должно оправдывать последовательное представление Орфея как персонажа с болезненной возбужденностью и неестественным, доходящим до невротических приступов поведением. Эвридика почти всегда ходит на пуантах, периодически сменяя плавную пластику на угловатые движения. Маяковский размашист и мощен.

В программке нет списка действующих лиц, что может указывать на размывание границ между актерами и их персонажами и отсутствие четкой системы ролей. Но при этом главные лица легко узнаваемы на протяжении всего спектакля.

Маяковский с Эвридикой на руках. На заднем фоне Эртебиз (© Mario del Curto)
Маяковский представлен как «русский Орфей». У него также есть своя возлюбленная, которая по пластике и интонациям во многом повторяет Эвридику с той лишь разницей, что одета в черное. Линия Маяковского во многом связана с черным цветом и в целом представлена в довольно мрачных тонах, если, конечно, не считать веселыми полувакхические пляски и песни, перемежающиеся чтением стихов. Цветовой символизм основан на классической антитезе белого и черного на буром фоне кремлевских зубцов.

Любители стихов великого поэта не всегда смогут оценить по достоинству строки из знаменитых поэм, так как из-за большого наложения очень многих звуков, довольно часто текст нельзя разобрать и приходится читать французские субтитры. Возможно, в других частях зала все было прекрасно слышно, и не возникло ощущения жуткой какофонии, терзающей слух зрителя. С другой стороны, шумные звуковые эффекты, сопровождавшие чтение стихов, могли напоминать о том, как сложно бывает поэту заставить публику слышать свой голос.

Сценография спектакля, выполненная Максимом Обрезковым, также использует понятные символы в простой, но своеобразной интерпретации. На авансцене ровным строем торчат зубцы кремлевской стены, за которой на установленном под углом помосте (впоследствии выполняющим функцию зеркала) стоит схематический макет мавзолея Ленину. Если зубья стены используются как лавка, кровать, письменный стол и место любовных игр, то мавзолей выполняет менее понятные функции: подвешенный на тросе, на котором также прикреплена большая красная пятиконечная звезда, он каждые пять минут поднимается и опускается. Подвешенное состояние Владимира Ильича не ведет к аллюзиям в истории Орфея. В этих декорациях можно видеть сложные отношения Маяковского с советской властью, а стену как метафору подавления и угнетения, но очень свободное и нарочито издевательское обращение с символами власти говорит о нежелании режиссера подчинять своего поэта государственному аппарату. В итоге, оказавшись выше, в прямом и переносном смысле, земной власти, Маяковский совершает самоубийство как вызов власти высшей, божественной, которая представлена, как по сути ничем не отличающаяся от всех других форм управления человеком.

Спектакль идет на французском и русском языках с субтитрами. Тексты Маяковского

и Кокто звучат в оригинале. Переходы с одного языка на другой часто удивляют зрителя, который посреди французского предложения слышит русское слово и судорожно глядит на экран в ожидании перевода. А действие продолжается, и за эти мгновения мы что-то упускаем. Для того, чтобы оправдать параллель между Орфеем и Маяковским, режиссер заставил актеров время от времени переходить на неродные для них языки. Прием старый и понятный, но достигает он своего эффекта, только когда чисто выполнен.

Нельзя не отметить интересную, разнообразную и яркую игру Эртебиза (Павел Акимкин), который лишь однажды впадает в присущую остальным персонажам надрывную истеричность. Маяковский (Петр Маркин) очень убедителен, во многом благодаря физическому сходству с поэтом. Его мощным голосом, отдающимся долгим раскатистым эхом, и звучат поэтические строки.

Звуковая наполненность спектакля состоит из сочетаний игры на инструментах, дополнительных шумов, усиливающих эффектов и использования почти каждого предмета на сцене. Самым интересным звуковым приемом стал несогласный стук печатной машинки Орфея и мерный, постепенно нарастающий ритм тех же печатных машинок на суде. Вокализы и случайные отрывки из «Орфея и Эвридики» разнообразят акустические впечатления, но не сильно влияют на создание целостного художественного впечатления. Помимо классической оперы используются короткие джазовые и свинговые интермедии.

Попытка соединить культурные традиции и художественные приемы различных видов искусств на основе трагического мифа о великом певце и поэте привела к созданию спектакля, который, несмотря на очень удачные визуальные и акустические находки и полную самоотдачу актерского состава, на наш взгляд, не создает законченного впечатления.

Постановка была осуществлена при поддержке Фонда Нева и почетного консульства России в Лозанне. Заказать билеты можно на сайте [театра](#). Спектакль будет идти до 30 марта.

[театр vidy lausanne лозанна](#)
[театральная жизнь Швейцарии](#)

Source URL:

<https://www.nashagazeta.ch/news/culture/sindrom-orfeya-na-scene-teatra-vidy>